

796 УДАРОВ В МИНУТУ

ПРОБУЖДЕНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

ПМИТРИЙ ЧЕРНОВ

796 ударов в минуту

Чернов Дмитрий

796 ударов в минуту. Пробуждение

«Автор»

2026

Дмитрий Ч.

796 ударов в минуту. Пробуждение / Ч. Дмитрий — «Автор»,
2026 — (796 ударов в минуту)

В закрытом городе Метрополис воображение запрещено. Оливер — шахтёр, добывающий тонер — по ночам тайком создаёт проекции в заброшенном парке. Это его способ нести боль, которую нельзя называть вслух: семья, потерянная во время Великой Вибрации, отец, исчезнувший с запиской «некоторые решения нужно принимать в одиночку». Когда обвал в шахте обнажает его дар, а случайный донос приводит к двери подпольной организации «Клавиши», Оливер оказывается перед выбором: продолжать существовать в тени или сделать то, что изменит всё. Найти отца. Взломать Главный Экран. Показать городу правду. Но сначала — не забыть молчаливого мальчика из парка, который впервые за год произнёс слово: «Красиво».

Чернов Дмитрий

796 ударов в минуту. Пробуждение

ГЛАВА 1. ВЕЧЕРНИЙ ЛЯЗГ

Сирена прозвучала ровно в восемнадцать ноль-ноль.

Оливер не смотрел на часы — не было нужды. Тело за двадцать лет выучило этот звук до рефлекса. Мышцы плеч подбирались. Шаг становился чуть короче. Голова — чуть ниже.

Не из страха. Просто так было правильно. Так было безопаснее. Так было привычно — а привычное давно стало одним и тем же с правильным.

Вой сирены впивался в уши, как раскалённая спица, и город замирал, подчиняясь этому звуку. По всему фасаду Акрополя, одного за другим, с грохотом захлопывались стальные шторы. Глухой, металлический лязг эхом отражался в узких улочках Шахтерска, будто великан запирает на ночь свои несметные сокровища.

Хотя какие сокровища в Шахтерске.

Оливер шёл домой с третьей смены. Ноги гудели. Под ногтями — вьевшаяся тонерная пыль, серая, как всё здесь. Комбинезон пах шахтой — породой, маслом, чем-то горьким и металлическим, что не отмывалось никаким мылом. Он привык и к этому.

Улица пустела на глазах. Люди ныряли в подъезды, захлопывали ставни, задёргивали шторы. Комендантский час наступал не резко — он подкрадывался, как темнота зимой: сначала просто становилось чуть тише, чуть пустее, а потом оглядывался — и никого.

Оливер не торопился.

Не потому что был смелым. Просто — некуда торопиться.

На углу Третьей Шахтёрской он увидел автомобиль.

Чёрный. Без опознавательных знаков, хотя знаки и не нужны — все в Шахтерске знали эти машины. Затемнённые стёкла. Корпус без единой царапины — в районе, где у всего были царапины. За ним следовали два фургона, серые, с зарешечёнными окнами.

Оливер остановился.

Не резко — медленно, будто вспомнил что-то незначительное. Переложил инструментальную сумку с правого плеча на левое. Осмотрелся с видом человека, который просто устал с дороги.

Автомобиль стоял у дома напротив. У пятиэтажки с облупленным фасадом и ржавым козырьком над входом. Там жила семья Вернов — Клаус, его жена, двое детей. Клаус работал в шахте на первом уровне, добытчик, как Оливер. Тихий человек. Никогда не говорил лишнего.

Из фургонов вышли люди в серой форме. Быстро, без разговоров, без криков. Профессионально. Они исчезли в подъезде — и через минуту вышли обратно, ведя за собой Клауса. Он шёл ровно. Не сопротивлялся. Только смотрел прямо перед собой тем взглядом, который Оливер научился узнавать — взглядом человека, который уже понял, что бороться некому и незачем.

Дверца фургона захлопнулась.

Автомобиль тронулся тихо, почти бесшумно, и растворился в темнеющем вечере.

Оливер стоял ещё секунду.

Потом пошёл дальше.

Думать об этом было бессмысленно. Клауса не вернуть. Семью не спасти. Не сейчас, не так. Единственное, что можно было сделать — не смотреть слишком долго, не запоминать слишком отчётливо, не давать себе почувствовать слишком много.

Пустота — не жестокость. Пустота — это техника выживания.

Он освоил её давно.

Комната на четвёртом этаже встретила его темнотой и запахом застоявшегося воздуха.

Оливер не зажигал свет сразу. Постоял у окна, глядя на улицу внизу — уже совсем пустую, только фонарь мигал над перекрёстком, и в его свете медленно кружила пыль. Шахтерская пыль никуда не девалась — она просто оседала и поднималась снова, оседала и поднималась, вечный круговорот.

На подоконнике стоял «Ундервуд».

Старый, тяжёлый, с потемневшими клавишами и западающей «ё». Отец оставил его — давно, когда ещё можно было что-то оставить. Корпус исцарапан, местами подёрнут ржавчиной, но механика работала. Оливер чинил его сам, когда что-то ломалось. Не потому что это было нужно. Просто — чинил.

Он не притронулся к машинке.

Не сегодня. Сегодня — не стоило.

Поел холодного — что нашлось в шкафу. Хлеб, жёсткий, почти дневной. Банка консервов с чем-то мясным, название на этикетке давно стёрлось. Запил водой из-под крана — вода в Шахтерске была с привкусом тонера, как всегда, как везде в нижнем городе.

Лёг.

Долго смотрел в потолок, где трещина пересекала побелку от угла до угла. Он знал эту трещину. Она появилась после землетрясения семь лет назад — небольшого, почти незамеченного, только посуда звякнула и трещина появилась. С тех пор не росла. Просто была.

Он думал о Клаусе. Потом перестал думать о Клаусе. Закрыв глаза.

Он проснулся за час до рассвета — как всегда.

Лежал неподвижно, слушая тишину. В Шахтерске ночная тишина была особой — не настоящей, а нервной. В ней всегда было что-то напряжённое, как перед сиреной. Как будто город спал, но вполглаза.

Оливер встал. Умылся. Оделся в старое — не рабочее, другое. Куртка без нашивок, тёмная, неприметная.

«Ундервуд» он снял с подоконника осторожно, двумя руками. Упаковал в парусиновый мешок, старый, засаленный.

Вышел из дома в темноту.

Заброшенный парк аттракционов стоял на краю Шахтерска, там, где промзона переходила в пустырь. Раньше, говорят, здесь было что-то живое — карусели, огни, смех. До Вибрации. Оливер этого не помнил. Он был слишком мал тогда, и всё, что осталось от до-Вибрации в его памяти — это тепло и запах хлеба и больше ничего конкретного.

Теперь парк был ничем. Ржавые конструкции, заросшие жёстким кустарником. Покосившийся забор с дырой в дальнем углу — её знали все в районе, никто не говорил вслух. Битые фонари. Земля, покрытая слоем тонерной пыли — здесь она была гуще, чем везде, серая и мягкая, как пепел.

«Глушители» здесь работали плохо.

Оливер не знал почему. Никто не знал. Просто в этом месте что-то было не так — с воздухом, с пространством, с тем невидимым полем, которое Правление выстраивало по всему городу, чтобы никто не мог создавать проекции без лицензии, без картриджа, без разрешения.

Здесь это поле было — дырявым.

Он пролез через дыру в заборе, прошёл по тропинке между мёртвыми аттракционами к центру — туда, где стоял старый павильон с провалившейся крышей. Внутри ещё сохранились остатки скамеек, деревянных, гнилых. Оливер сел на ту, что держалась лучше других.

Достал «Ундервуд». Поставил на колени.

Долго сидел так, не касаясь клавиш. Смотрел сквозь дыру в крыше на небо — тёмное ещё, с редкими звёздами.

Потом опустил пальцы на клавиши.

Не думал — просто позволил рукам делать то, что они помнили.

«Ундервуд» застучал — тихо, механически, почти нежно. Западающая «ё» немного тормозила ритм, но ритм был — глубокий, ровный, живой. 796 ударов в минуту — не скорость, не техника. Что-то другое. Что-то, что невозможно объяснить и невозможно не узнать, когда оно приходит.

Над клавишами начало подниматься.

Сначала — едва заметное марево, как горячий воздух над асфальтом. Потом — контур. Потом — свет, мягкий, нестабильный, живой.

Женщина.

Стояла в трёх шагах от него. Невысокая. Тёмные волосы. Смеялась — беззвучно, как всегда — запрокинув голову, с тем выражением, которое он знал наизусть и которое нельзя было придумать, потому что оно было настоящим когда-то.

Рядом с ней — девочка. Лет пяти. Тянула мать за руку, куда-то звала, указывала на что-то невидимое.

Оливер смотрел на них.

Пальцы продолжали двигаться. Ритм держался.

Он давно научился не разговаривать с проекциями. Если начинаешь говорить с тем, чего нет, в какой-то момент перестаёшь замечать разницу. А разница была важна.

Они погибли во время Вибрации. Ему было восемь. С тех пор прошло много лет, и боль давно потеряла форму, стала фоновой, встроилась в жизнь, как тонерная пыль под ногтями.

Это не значило, что её не было.

Просто это был его способ нести её — не показывая, не называя. Создавая здесь, в темноте, в дырявом павильоне, на рассвете.

Личный рай.

Который стоил кусочка души каждый раз.

Проекция начала гаснуть. Он не пытался удержать. Никогда не пытался — это тоже было частью правила: создавать, смотреть, отпускать.

Тишина.

Серый рассвет начинал проникать сквозь дыру в крыше.

Оливер сидел неподвижно, руки на остывших клавишах. За двадцать лет это место, этот час, этот ритм стали чем-то вроде молитвы — без бога, без слов, без ответа. Просто — присутствие.

Он убрал «Ундервуд» в мешок. Встал. Размял ноги.

Через два часа — смена в шахте.

Оливер вышел из павильона в рассветный Шахтерск.

Город просыпался — медленно, неохотно, как всегда.

Сирена молчала ещё час.

Сердце билось. 796 ударов в минуту. Ровно. Привычно. Живо.

ГЛАВА 2. СМЕНА

Марк уже был у клетки, когда Оливер подошёл.

Стоял, привалившись спиной к бетонной стене, термос в руке, сигарета в зубах — хотя курить у шахты запрещалось, и все об этом знали, и никто никогда не говорил Марку. Высокий, широкоплечий, с лицом, которое выглядело старше своих лет — не от усталости, а от чего-то более постоянного. Марк всегда выглядел так, будто что-то знает, что не собирается рассказывать.

— Опаздываешь, — сказал он, не оборачиваясь.

— На минуту.

— Бригадир считает по-другому.

— Бригадир ошибается.

Марк усмехнулся — коротко, одним углом рта. Протянул термос.

— Кофе. Настоящий, почти.

Оливер взял, отхлебнул. «Почти» было точным словом — горький, с привкусом чего-то синтетического, но горячий.

— Второй уровень сегодня?

— Третий. Бригадир переиграл ночью. Там засорение в штреке семь, нужны руки.

Клеть лязгнула, двери открылись. Они вошли вместе с ещё шестью шахтёрами — молчаливыми, как и все молчаливы в начале смены. Спуск был долгим, тесным, с запахом машинного масла и сырости.

Марк стоял рядом, смотрел в стену клетки.

— Слышал про Клауса Верна? — спросил он тихо.

— Нет.

— Забрали вчера вечером. С семьёй.

— С семьёй?

— Со всей. Жену, детей. Говорят — нашли машинку. Старую, ещё довибрационную. Он прятал в подвале.

Оливер смотрел в стену клетки и думал о том, что видел вчера с улицы.

— Идиот, — сказал Марк, не с осуждением. — Хранить машинку дома. В наше время.

— Может, не мог выбросить.

— Это не оправдание.

— Нет. Не оправдание.

Клеть остановилась. Двери открылись на третий уровень — темнота, запах породы, далёкий гул вентиляторов.

Работа на третьем уровне была тяжёлой и простой одновременно.

Просто — потому что тело давно знало, что делать, и делало само, без участия головы. Кирка, лопата, носилки. Порода поддавалась или не поддавалась. Жилы тонера светились в темноте слабым серым блеском — «сырец», необработанный, мутный.

Тяжёлой — потому что третий уровень был старым. Крепи здесь стояли ещё довибрационные, кое-где подгнившие. Порода над головой иногда постанывала — тихо, почти неслышно, но Оливер слышал.

Часа через три Марк выпрямился, потянул спину.

— Перекур.

— Ты не куришь под землёй.

— Я отдыхаю. Это другое.

Они сели у стены штрека. Марк достал флягу — вода, тёплая, с привкусом металла.

Некоторое время молчали.

— Ты давно в Шахтерске? — спросил Марк.

Оливер посмотрел на него.

— Ты знаешь сколько.

— Всю жизнь, да. — Марк покрутил флягу в руках. — Никогда не хотел уйти?

— Куда?

— Не знаю. Центр-Спираль. Там, говорят, по-другому.

— Служащие работают на Правление.

— А мы нет?

Оливер промолчал.

— Я просто спрашиваю. — В голосе Марка не было ничего — ни злости, ни подтекста. Просто слова. — Ты умный человек, Оливер. Мог бы получить лицензию, работать официальным Воображателем. Не прятаться.

— Я ничего не прячу.

— Конечно, — согласился Марк легко — слишком легко. — Никто ничего не прячет.

Он встал, взял кирку.

— Продолжаем.

Оливер смотрел ему в спину секунду, прежде чем встать.

Слова были нейтральными. Может быть, они ничего не значили. Это была его манера. Двадцать лет рядом, и Оливер до сих пор не мог решить — Марк просто такой или за этой нейтральностью что-то стоит.

Он встал. Взял кирку. Продолжили.

В середине второй половины смены штрек семь ожил.

Не резко — постепенно. Сначала тихий скрип в породе над головой, потом мелкая крошка, сыплющаяся с потолка, потом — короткий, низкий гул, от которого у Оливера сжалось что-то в животе.

— Стоп, — сказал он.

— Что?

— Тихо.

Они замерли. Тишина. Потом снова — скрип. Протяжный, недовольный.

— Крепь, — сказал кто-то сзади.

— Третья от входа, — уточнил Оливер. — Подгнила снизу. Я видел утром.

— Надо бригадиру...

— Некогда бригадиру. Выходим. Все. Сейчас.

Никто не спорил.

Они двинулись к выходу штрека — быстро, но без паники. Оливер шёл последним, как всегда ходил последним.

Они были примерно на середине штрека, когда потолок ответил.

Не обвал — осадка. Порода просела в одном месте, крепь не выдержала, пошла трещина. Звук был такой, что Оливер почувствовал его не ушами — всем телом. И сразу — камни, пыль, темнота. Фонарь Марка погас.

— Марк!

— Здесь. — Голос из темноты — живой, но сдавленный. — Нога. Что-то на ногу.

Оливер двинулся на голос. Марк лежал у стены — камень, небольшой, но увесистый, придавил левую ногу ниже колена.

— Двигай?

— Не знаю. Больно.

— Потерпи.

Оливер нашёл точку опоры, присел, взялся двумя руками.

— На счёт три. Как только — вытаскивай ногу.

— Понял.

— Три.

Оливер поднял. Камень был тяжелее, чем казался. Руки дрожали. Он держал ровно столько, сколько нужно было — пока Марк не вытащил ногу и не охнул.

Оливер опустил камень. Выдохнул.

— Идти можешь?

— С опорой могу.

— Держись.

Они вышли из штрека. Остальные уже были у лифтовой клетки — живые.

Пока ждали подъёма, Марк смотрел на Оливера — не так, как смотрят на человека, которому просто обязаны. Иначе. Оценивая, почти задумчиво, как будто решал что-то внутри себя.

Оливер не смотрел в ответ.

Двери клетки открылись. Они поднялись молча.

После смены Оливер задержался у раздевалки. Когда вышел, в раздевалке оставался только Марк — сидел на скамейке, нога вытянута, уже перевязана медиком. Смотрел в пол.

— Спасибо, — сказал Марк, не поднимая головы.

— Не за что.

— Нет. Есть за что.

Оливер одевался молча.

— Оливер. — Марк поднял голову. Смотрел прямо, без обычной нейтральности. Что-то в его лице было другим. Усталым, что ли. — Я хочу сказать кое-что.

— Говори.

— Я знаю про парк.

Оливер застыл. Одна секунда — ровно одна, потом продолжил одеваться.

— Не знаешь, что ты имеешь в виду.

— Знаешь. — Марк говорил тихо, ровно. — Я видел тебя там. Месяц назад. Рано утром. Ты не заметил.

— И что?

— Ничего. — Марк говорил тихо, ровно. — Просто хотел, чтобы ты знал, что я знаю.

И что пока — молчу.

— Пока.

— Пока.

Они смотрели друг на друга. В раздевалке было тихо — только капала вода из плохо закрытого крана.

— Зачем говоришь? Если молчишь — зачем говорить?

— Потому что ты сегодня вытащил меня из-под камня. — Марк пожал плечами. — Это кое-что значит. Я хотел быть честным хотя бы настолько.

— Честность — это странная вещь для человека, который наблюдает за кем-то в темноте и молчит месяц.

— Да. Я знаю.

Оливер взял сумку. Направился к выходу.

— Оливер.

Он остановился, не оборачиваясь.

— Будь осторожен. В парке. Я не единственный, кто иногда не спит по ночам.

Оливер вышел.

Шёл домой по вечернему Шахтерску и думал о словах Марка.

Предупреждение? Угроза? Просто информация?

Двадцать лет рядом — и он до сих пор не знал.

Это само по себе было ответом, наверное.

Сердце билось. 796 ударов в минуту. Ровно. Привычно. Живо.

ГЛАВА 3. КАРТРИДЖ

Три дня он не ходил в парк.

Не из страха — страх был бы слишком простым объяснением. Скорее из осторожности, которая в Шахтерске давно стала одним и тем же со страхом, только называлась по-другому. Марк видел его. Марк молчал — пока. Что стояло за этим «пока», Оливер не знал, и незнание было хуже любой определённости.

На четвёртый день он понял, что осторожность заканчивается там, где начинается невозможность жить.

Пошёл на рассвете. Другим путём — длиннее, через старый рынок и переулок у водонапорной башни. Дольше на двадцать минут, зато меньше прямых улиц.

Парк был тем же. Ржавые конструкции. Жёсткий кустарник. Серая пыль, мягкая под ногами.

Оливер прошёл к павильону, сел на знакомую скамейку. Достал «Ундервуд». Открыл крышку картриджного отсека.

Посмотрел.

Осталось на три-четыре сеанса. Может, пять, если экономить.

Он опустил крышку, не начав. Просто сидел.

Думал о картридже.

«Кровь Ариадны» не продавалась на открытом рынке — за это давали срок. На чёрном рынке она была, но дорого и опасно. Второй способ — добыть в шахте. На третьем уровне иногда попадались жилы нестандартного тонера, красноватого. Он брал его понемногу уже несколько лет, прятал в ботинке на выходе.

Рискованно. До сих пор везло.

Третий способ был тем, о котором он старался не думать.

Организация.

«Клавиши» — так их называли шёпотом. Воображатели, которые не просто прятались, но действовали. У них был доступ к картриджам — настоящим. У них была Москва — женщина, которую Оливер не видел, но имя которой произносили с осторожным уважением, как произносят имена людей, которые могут и помочь, и уничтожить.

Он никогда не хотел иметь с ними дела.

Не потому что боялся. Потому что понимал: войти в такое — значит перестать просто существовать.

Оливер провёл в тишине ещё минуту. Потом открыл крышку картриджного отсека снова. Поставил пальцы на клавиши.

Три-четыре рассвета. Хватит на сейчас. Сейчас — всегда было достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.